

МАКС ВЕБЕР: 140 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

М.Р. Ленсиус

СВОЕОБРАЗИЕ И ПОТЕНЦИАЛ ВЕБЕРОВСКОЙ ПАРАДИГМЫ

Веберовская социология связывает социальное действие акторов со структурированием координации действий и смысловыми взаимосвязями ориентаций действия. Такое построение объекта познания сообщает социологии Вебера внутреннюю динамику, которая принуждает к постоянной проверке тех констелляций, в которых протекает социальное действие, происходит координация действий и придается смысл. Образование «цепочки обстоятельств» или переплетение и контекстная дифференциация акторов и институтов, которые из одной сферы социального действия переносятся в другую, иллюстрируется на примере «Протестантской этики», а также на примере развития Европейского Союза.

Долгое время работы Вебера воспринимались как большой карьер, откуда брались отдельные фрагменты, становившиеся дидактическим материалом: тезисы о протестантизме, типология господства, постулат свободы от оценочных суждений, конструирование идеальных типов, характеристики бюрократии. Богатый запас цитат из, как правило, непрочитанных книг перекочевал в более или менее возвышенный язык повседневности: «политики или футболисты имеют больше или меньше харизмы», «должна господствовать этика ответственности, а не этика убеждений», «политика есть мощное медленное бурение твердых пластов, проводимое одновременно со страстью и холодным глазомером». По своим максимам и размышлениям Вебер в некоторой мере стал Гете для социальных наук. Он прочно занял свое место в истории культуры Германии. Сделало ли это его исключительно достоянием истории науки? Можно ли сегодня применить социологию Вебера к социальным исследованиям? Ввиду глобального капитализма причины его возникновения в XVII в. уже мало кого интересуют; типология господства обладает недостаточной различительной способностью в отношении современных властных союзов, неважно какого — демократического или диктаторского — типа; современная бюрократия уже не соответствует модели прусского государственного управления. Итак, применима ли со-

циология Вебера сегодня?

Непрекращающийся поток публикаций свидетельствует о сильном очаровании, которое работы Вебера сегодня еще оказывают на многих исследователей из самых разных стран. Это, а также признание Международной Социологической Ассоциацией его «Протестантской этики» и «Хозяйства и общества» одними из важнейших «книг» XX в. свидетельствует о том, что Вебер — самый актуальный основатель современной социологии рубежа XIX–XX вв. Осталась в прошлом старая история фрагментарного восприятия его работ. Вместо отдельных высказываний и теорем все чаще встречается объяснение и интерпретация всего корпуса работ с точки зрения их методологического обоснования, систематики образования понятий и своеобразия поставленных вопросов. Через 80 лет после смерти Вебера его социология приобрела характер самостоятельного «типа теории» (Вольфганг Шлюхтер). Она стала парадигмой, моделью для определения объекта познания социологии наряду с парадигмами системной теории, теории рационального выбора и теорией коммуникативного действия*. Это результат международных веберовских исследований, свой вклад в которые внесло также издание полного собрания сочинений Вебера.

Веберовская социология связывает социальное действие акторов со структурированием координации действий и смысловыми взаимосвязями ориентаций действия. Она в некоторой мере действует в пространстве с тремя полюсами — ход действий, структурные образования и проекции смысла. Все эти категории воздействуют друг на друга, но несводимы друг к другу. Такое построение объекта познания сообщает социологии Вебера внутреннюю динамику, которая принуждает к постоянной проверке тех констелляций, в которых протекает социальное действие, происходит координация действий и придается смысл. Таким образом, комплексность аналитического подхода велика. Даже если для какого-либо специфического исследования одним из измерений анализа можно пренебречь как постоянным пограничным условием, все же в принципе необходимо учитывать все три измерения. Эта принципиальная трехмерность не является «многоуровневым анализом», который можно представить линейным и иерархически упорядоченным. Социальное действие «на уровне актора» протекает в структурированных контекстах действия с учетом ценностных представлений; «уровень координации действий» посредством регуляции, организаций, союзов и учреждений всегда соотносится с легитимирующими смысловыми взаимосвязями и социальным действием акторов; «уровень культурных ценностных представлений» охватывает многообразные комбинации ценностных идей, отобранных самыми разными способами в качестве ориентаций действия и легитимаций порядков.

В соответствии с этим веберовские понятия направлены на понимание процессов, а не на описание коллективов, за которыми, возможно, могла бы признаваться собственная специфическая ценность. Так, он говорил о складывании общности и общества (обобществлении), а не об общности и об-

---

* Об этом сжато и емко см.: (Schluchter 2000).

ществе. Для него это были динамические процессы, которые могли охватывать различные социальные отношения. То же самое относится и к понятиям, обозначающим классы и сословия. Классы основываются на неравном распределении прав распоряжаться материальными благами и — как мы бы сегодня добавили — услугами, а сословия — на неравном распределении престижа. И классы, и сословия влияют на «внешнее положение в жизни» и на «внутреннюю жизненную судьбу». Вебер это отмечает применительно к классовому положению, но это касается также сословного положения. То, как эти неравенства приводят к формам обобществления, может различаться в разные исторические периоды и основывается на тех или иных конstellациях организации интересов, закрытия сословных границ, распределения власти и политического лидерства классовых организаций и сословных группировок. Процессы образования классов и замыкания сословий существуют во все времена. В принципе, они протекают параллельно и переходят один в другой. Какой процесс для каких социальных отношений является преобладающим — это вопрос степени обобществления и складывания общности. Так, сословные общности складываются в классовых обществах, и классовые дифференциации имеют место в сословных общностях. Вебер разложил типологии развития «от общности к обществу» или «от сословий к классам» на аналитические измерения. Когда сегодня на место образования классов приходит дифференциация сред (милье), это соответствует веберовскому подходу объяснения обобществления социального неравенства через слияние различных социальных процессов — изменения экономического положения, барьеров, препятствующих мобильности, организаций, основанных на общем интересе, социализации в различные стили жизни. «Среды» соответствуют «социальным классам» Вебера*. Глобальные диагнозы современности, как, например, «нивелированное общество среднего класса» или «общество переживания», с точки зрения веберовской социологии, представляют собой доаналитические описания процессов складывания общности и обобществления социального неравенства.

То же самое относится и к понятию рационализма Вебера. Оно тоже конкретизируется через различные процессы рационализации. Решающим для Вебера является «своеобразие процесса рационализации», а именно, вопрос о том, «какие сферы и в каком направлении рационализируются» (Weber 1920/1978: 12). Таким образом, в центр внимания попадает контекст действия, в котором определенные критерии рациональности определяются в поведении. Специфически «рациональное» поведение возникает из возможности таким образом дифференцировать данные контексты поведения, чтобы в них соответствующие критерии рациональности направляли действие и не состояли в продолжительном противоречии с другими ориентациями поведения. Ведь в принципе различные процессы рационализации происходят одновременно, вступают в противоречие по своим критериям и бо-

* Вебер называет «классами» «общность таких классовых положений, смена которых легко возможна как в пределах одной личности, так и при смене поколений, и обычно происходит типичным образом». Единство «социальных классов» он рассматривал как неустойчивое и по-разному выраженное. Ср. (Weber 1921/1985: 177 и след.).

руются за расширение пространства своего влияния.

С этой точки зрения для анализа также открывается широкий спектр предпосылок и последствий рационализации для действия акторов, координации действий, разграничений контекстов действия, обработок экстернализованных последствий рационализованного хода действий, а также их внутренней и внешней легитимации. Чем выше степень рационализации, тем более фрагментированными будут ориентации действия и тем острее разграничения между «сферами», как это формулирует Вебер, т. е. как между ценностными отношениями, так и между контекстами действия.

Таким образом, веберовское образование понятий — это не таксономия фактического материала, а определение аналитических измерений, которые могут найти применение в самых различных тематических областях. Общность, общество, класс, сословие, рационализм — это результаты комплексных социальных процессов, которые по своему внутреннему устройству и действительности имеют принципиально неустойчивый характер. Их значение для ориентаций действия может увеличиваться или уменьшаться, они могут смешиваться и вступать в борьбу друг с другом, определять организацию и институционализацию структур действия, иметь неожиданные последствия для выделения и доминирования ценностных представлений. Вебера интересуют констелляции и, в его сравнительных исследованиях, вариации констелляций. Нам снова и снова встречаются формулировки, подобные этой: «“Классовая борьба” между слоем кредиторов и должников, землевладельцами и неимущими (или барщинниками или арендаторами), торговцами и потребителями или землевладельцами в различных констелляциях издавна существовала повсюду. Но уже характерная для западного средневековья борьба между скупщиком и ремесленником-кустарем в другое время и в другом месте встречается только в зачаточном состоянии. Полностью отсутствует современный антагонизм: крупнопромышленный предприниматель и свободный наемный работник. И в связи с этим также не могло быть проблематики, подобной той, которая знакома современному социализму» (Weber 1920/1978: 9). Особый путь развития Запада Вебер объясняет накоплением различий в констелляциях. Они были в точности описаны и соотнесены с группами-носителями с присущими им интересами.

Эту исследовательскую программу Вебер продемонстрировал в своем исследовании «Протестантская этика и “дух” капитализма». Постановка проблемы следовала из допущения, что для возникновения современного капиталистического способа хозяйствования необходима специфическая ориентация действия, которая подчиняется производственному рациональному расчету затрат и прибылей. Начало формирования такой ориентации действия он видел в профессиональной этике мирской аскезы. Именно эту взаимосвязь Вебер анализирует в цепочке независимых процессов в различных контекстах действия.

Первый контекст относится к возникновению нормативного ядра кальвинистской теологии с учением о предопределении и идеей подтверждения избранности. Религиозные виртуозы и интеллектуалы заинтересованы в убедитель-

тельной теодицее. Она должна обеспечить им непротиворечивое, доступное для интерпретации представление о боге. При условии, что бог всемогущ, обещанное им спасение души может определяться только им самим, и на него не могут повлиять хорошие дела или церковные таинства. Бог один решает вопрос о спасении души, не обращая внимания на поведение человека. Эта догматическая конструкция соответствует потребностям интеллектуальных религиозных людей, которые дискурсивно фиксируют в небольших группах ее форму.

Второй контекст возникает из потребностей практической заботы о спасении души. Верующие хотят получить указания для своих действий, чтобы иметь возможность уверовать в спасение своей души. Радикальная вера в предопределение изолирует их в неведении о шансах на спасение, которые они не могут улучшить своим участием. Так, из потребностей заботы о спасении души возникает новая, направляющая действия интерпретация. Спасение души остается предопределенным, но милость, в которой находится отдельная личность, должна стать узнаваемой. У того, кто удостоен божественной милости, профессиональная деятельность тоже будет благословенна богом. В то время как религиозные виртуозы уверяются в том, что они находятся в милости у бога, на основе субъективного опыта пробуждения, остальные верующие могут узнать это благодаря мирской аскезе по успеху в их труде. Из нормативного ядра смысловой взаимосвязи образуется ориентирующее действие ценностное убеждение, аскетическая трудовая этика.

Третий контекст образует пространство действия, в котором требуемое поведение может реализовываться на практике. Поскольку сначала пуритане демонстрировали отклоняющееся поведение, в возникших ранее религиозных общностях они подвергались большей или меньшей дискриминации. Как это обычно бывает при любом отклоняющемся поведении принципиального характера, возникают внутренне гомогенные общности. Секты стабилизируют поведенческие ориентации посредством жесткого контроля и интерактивного наблюдения.

Четвертый контекст определяет действенность этих ориентаций действия за пределами секты. Распространение профессиональной дисциплины происходило не столько благодаря признанию жесткой мирской аскезы, сколько благодаря экономическому успеху членов секты. Это послужило мотивацией к перенятию ориентации действия другими, которые в то же время не переняли изначально связанные с этой ориентацией ценностные убеждения. Экономический успех — это ненамеренное следствие мирской аскезы пуритан. Тот, кто повышает производительность своего труда, интенсифицирует его, имеет больше шансов достичь высоких доходов. Если, к тому же, мирская аскеза запрещает потребление, то остаются накопления и — как результат — новые вложения. В условиях развивающегося рынка отказ от потребления вынуждает к экономии и приводит к реинвестициям и, следовательно, к повышению шансов получения прибыли. Так распространяется профессиональная этика, которая соответствует рациональному, функционирующему в форме предприятия капиталистическому хозяйствованию. И заключительный пассаж

«Протестантской этики» Вебера гласит: «Пуританин *хотел* быть профессионалом — мы *должны* им быть» (Weber 1920/1978: 203).

Каков результат этих размышлений? Взаимосвязи между ценностными убеждениями, социальными порядками и ориентациями действия — это, как формулирует Вебер, «возникновение цепочки обстоятельств» или, другими словами, переплетение и контекстные дифференциации акторов и институтов, которые с одной арены социального действия переносятся на другую. Цепочки могут удлиняться, растягиваться — возможно, это как раз и имеет место в веберовской модели протестантской этики. Но существует и встречный вопрос: какие цепочки и в каких звеньях разорваны? Какие ценностные ориентации теряют свое поведенческое выражение, какие порядки продолжают существовать и без первоначальных ценностных отношений, какие институционализации доминируют над остальными? Веберовский подход побуждает нас к рассмотрению подобных вопросов.

Это можно пояснить на примере: существуют исчерпывающие описания национал-социализма в его историческом развитии, но нет его социологического объяснения. Как после длительной традиции правового государства так быстро мог произойти распад правового порядка, раскол двух контекстов, когда волюнтаристские меры сочетаются с передававшимися из поколения в поколение правовыми нормами? Как это возможно, чтобы капиталистический экономический порядок сочетался с государственной захватнической экономикой? Как происходит расхождение моральных убеждений — в соответствии с тем или иным контекстом действия? Здесь не поможет отнесение причин к «особому немецкому пути», к аномии государственного и экономического кризиса 1929–1933 гг., также нельзя сослаться на «злой рок», на харизму Адольфа Гитлера или на немецкий комплекс подчинения приказам. Существовавшие рационализации отдельных сфер поведения привели в конечном итоге к саморазрушающемуся иррационализму. «Послушные помощники» Гитлера — не «нелюди», хотя они и поступали бесчеловечно. Если смотреть с веберовской перспективы, то изучение национал-социализма все еще находится на доаналитическом уровне. Какие «цепочки обстоятельств» привели к массовым преступлениям, к геноциду евреев и других народов? Вряд ли в этом виновата немецкая культурная традиция воинственного, направленного на уничтожение антисемитизма!

История ГДР до сегодняшнего дня в этом смысле тоже осталась не проанализированной. Чем объяснить продолжавшуюся десятилетиями покорность и внезапное возмущение народа? Какие средства подавления вдруг утратили свой угрожающий потенциал? Или же экономическая ситуация, а именно перебои снабжения, послужила основой для лишения политической власти законности? Иногда «цепочка обстоятельств» сокращается до актуальных констелляций, до эмотивных переворотов, которые «в критические моменты» спонтанно приводят к возникновению на короткий срок новых пространств действия.

Ввиду длинных «цепочек» обобществления и возникновения общности социального действия, агрегации процессов и центров координации действий, отбора и преобразования смысловых взаимосвязей для ориентации

действия и легитимации договорной или навязанной дисциплины вопрос приписывания причин (*Zurechnung*) становится центральной проблемой. С одной стороны, приписывание определяется типом поставленного вопроса. Так, например, если ставится вопрос о значении идей для формирования образа жизни, «родственного по духу» капиталистическому способу производства, как это делает Вебер в «Протестантской этике», то другие взаимосвязи отходят на задний план. Но тогда отсутствует объяснение капитализма как феномена, определяющего эпохи. С другой стороны, цепочки приписывания причин (*Zurechnungsketten*) можно произвольно оборвать, например, посредством исторических порогов. Тогда всем, что произошло до, можно пренебречь ради объяснения того, что произошло после. В немецкой истории есть несколько таких порогов: основание Империи, проигранная Первая мировая война, захват власти национал-социалистами, «час ноль» 1945 г. У социологии как у науки о современности короткая историческая память, и она склонна сокращать во времени причинные взаимосвязи.

Наконец, через аналитические уровни просто перескакивают, в частности за счет того, что контексты действия остаются вне поля зрения. Тогда, например, развитие национального дохода напрямую связывается с легитимностью правительства, а суровость применяемых в назидание средств подавления — с покорностью людей. С точки зрения социологии такое объяснение неудовлетворительно. В особенности временные ряды результатов опросов общественного мнения оставляют открытым вопрос приписывания причины, ограничиваясь описанием изменения образцов установок, как и вообще распространенные сегодня опросные исследования в большинстве случаев не анализируют контексты действия и их структурирование.

Если капитализм — это фатальная власть современности, как думал Вебер, и капиталистический способ хозяйствования приводит к возникновению фрагментированного человечества, а именно «профессионалов без духа, гедонистов без сердца», то это результат не только определенных религиозных идей, но и комплексного институционального порядка. Вебер сам указывает способ анализа процессов институционализации. Руководящие идеи конкретизируются через институционализацию в поведенческие заповеди — от веры в предопределение к аскетической профессиональной этике. Для их действительности выделяются контексты действия, внутри которых они также санкционируются — верующие обобществляются в секты. Из обособленного таким образом контекста действия экстернализируются последствия для окружающего мира — бедный сам виноват в том, что он беден. Для преодоления последствий требуются новые институционализации, возникают другие руководящие идеи — например, забота из любви к ближнему, осуществляемая членами других протестантских сект. Разделение «сфер», внутреннюю динамику, приобретаемую ими благодаря той или иной степени их рационализации, Вебер представляет в «Промежуточном рассмотрении» (в «Хозяйственной этике мировых религий»). Основные измерения конфликтов общественного развития он помещает между сферами, а не между классами. Здесь заложен потенциал веберовской парадигмы для исследования современных институтов. Оно должно на раз-

личных уровнях агрегации точно определять направляющие поведение идеи и точно очерчивать пространство их действительности. Отсюда возникают конфликты между институционализированными контекстами поведения, потенциал их внедрения по сравнению с другими и шансы экстернализации их последствий, не предвиденных или не учтенных во внутреннем пространстве, в другие институционализированные контексты действия. Внутри- и межинституциональные конфликты — это силы социальных и культурных перемен, которые группы-носители отстаивали в борьбе.

Актуальный пример такого процесса — развитие Европейского Союза. Руководящая идея европейского объединения сначала была конкретизирована как установление критериев действия в сфере совместного управления угольной и сталелитейной промышленностью. Для этого было выделено пространство действий и обеспечена организационная структура: Европейское объединение угля и стали. Это был «перевод стрелок» в веберовском смысле постольку, поскольку тем самым, без ликвидации суверенитета стран-участниц, было положено начало образованию супранациональной воли и структуры принятия решений. С этого времени ни одна из участвующих стран не могла автономно распоряжаться своей угольной и сталелитейной промышленностью, они должны были действовать совместно, были ограничены правилами и регулирующими постановлениями, в создании которых они сами принимали участие, но которые они не могли принять единолично. Новый порядок оправдал себя, что привело к его расширению в виде проектов таможенного союза, общего внутреннего рынка и, наконец, экономического и валютного союза. «Европа» развивалась как последовательность «маленьких» шагов, источником легитимации которых служила вера в экономический успех большого внутреннего рынка. Все должны были оказаться в выигрыше, увеличив социальный продукт за счет эффектов рационализации внутреннего рынка. Благодаря изоляции экономики от других областей жизни и политики, традиционные внутри- и социально-политические порядки могли сохраниться даже в том случае, если различными способами происходило инструментальное вмешательство с помощью критериев конкурентной политики. Экономические и социально-политические адаптационные достижения по смягчению нежелательных последствий и реализации новых регулирующих механизмов или дерегуляция старых структур были экстернализованы в страны-участницы и их социально-политический менеджмент конфликта. Носителями этой интеграции суверенитетов старых и внутренне сплоченных национальных государств были небольшие, объединенные в сети и в значительной степени независимые от остальных политико-административных структур элиты. Они проводили структурные нововведения через сферы, обладающие полномочиями принимать решения. Для этих процессов инструментальной интеграции не было необходимости в определении «конечной цели» Европейской общности, в коллективном европейском сознании, которое бы пришло на смену национальным идентификациям. Этот случай ясно показывает, как с большей или меньшей скоростью протекают процессы образования институтов при учете структур

возможностей. «Перевод стрелок» здесь осуществлялся с помощью концепции Жана Моне, который, исходя из опыта Лиги наций, сомневался в успехе международных договоров и стремился к большей степени ответственности через супранациональные организационные формы, что и было достигнуто в Объединении угля и стали.

Вебер, будучи юристом по образованию, ясно понимал, что «перевод стрелок» возможен не только в результате религиозных откровений, революционных переломов и решений харизматического лидера, но также благодаря незначительным изменениям в процедуре и в конституции. Так, в 1917 г. он рекомендовал следующее: «Последнее предложение статьи 9 Имперской конституции следует убрать» (Weber 1984: 278). Это предложение касалось невозможности одновременного членства в современном Веберу бундесрате и рейхстаге. Устранение этого постановления должно было дать возможность и парламентариям быть членами бундесрата с правом голоса. Это был шаг к усилению парламента и демократизации управления Империей без необходимости ждать тогда еще не просматриваемой в ближайшем будущем возможности общего изменения конституции. Конечно, это еще не был бы «перевод стрелок» в том смысле, который имел в виду Вебер, употребляя это выражение. Но из накопления многих маленьких изменений может впоследствии возникнуть то, что Вебер как раз обозначал метафорой «перевод стрелок». Разложение этой метафоры в конкретные аналитические исследования процессов образования воли и принятия решений — это первейшая задача социологии ввиду постоянной трансформации институционального порядка в результате «маленьких» мер. Возможно, важно заранее оценить, какие изменения обладают потенциалом «перевода стрелок», чтобы не удивляться потом, как правило, уже не имея возможности пересмотра. Веберовские метафоры «перевода стрелок», а также «родства по духу» обозначают комплексные исследовательские задачи, на которые он сам указывал. Они должны быть решены в ходе конкретных исследований.

Нам хорошо известно часто цитируемое заключительное предложение статьи «Об объективности»: «В век специализации работа в области наук о культуре будет заключаться в том, что, выделив путем постановки проблемы определенный материал и установив свои методические принципы, исследователь будет затем рассматривать обработку этого материала как самоцель, не проверяя более познавательную ценность отдельных фактов посредством сознательного отнесения их к конечным ценностным идеям и не размышляя вообще о том, что вычленение изучаемых фактов ими обусловлено»* (Weber 1922/1983: 214). Вебер хотел, чтобы социология его времени — «наука о культуре», если использовать его собственные слова — с точки зрения методологии и понятийного аппарата стала дисциплиной. Сейчас уже можно сказать, что это произошло. Однако он требовал для социологии широкого горизонта рефлексии, а это и сегодня остается лишь призывом. Проблема-

---

* Цит. по: Вебер М. «Объективность» социально-научного и социально-политического познания // Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 414.

тика Вебера и его понятия по своей сути были направлены на вопрос о будущем человечества. По его собственным словам, «мы хотим развить не хорошее самочувствие людей, а такие качества, в связи с которыми мы ощущаем, что именно они составляют величие человека и благородство нашей натуры» (Weber 1993: 559). Гуманистический пафос Макса Вебера усиливает сохраняющееся очарование его произведений. Каким бы необходимым ни было постоянное «измерение» социальной жизни в ходе все новых эмпирических исследований, это не должно вести к фрагментации «познавательной ценности отдельных фактов». В конце концов, нам пришлось на своем опыте узнать «последователя» национал-социализма, «сторонника» коммунистической партии и фундаменталистского «террориста».

Литература

Schluchter W. Handlungs- und Strukturtheorie nach Max Weber // Berliner Journal für Soziologie. 2000. Jg. 10.

Weber M. Gesammelte Aufsätze zur Religionssoziologie. Bd. 1. Tübingen, 1920/1978.

Weber M. Wirtschaft und Gesellschaft. 5. Aufl. Tübingen, 1921/1985.

Weber M. Gesammelte Aufsätze zur Wissenschaftslehre. Tübingen, 1922/1983.

Weber M. Vorschläge zur Reform der Verfassung des Deutschen Reiches // Zur Politik im Weltkrieg, Schriften und Reden 1914–1918 // Max Weber-Gesamtausgabe / Hrsg. von W.J. Mommsen in Zusammenarbeit mit Gangolf Hübinger. Bd. I/5. Tübingen, 1984.

Weber M. Landerarbeiterfrage, Nationalstaat und Volkswirtschaftspolitik. Schriften und Reden 1892–1899 // Max Weber-Gesamtausgabe / Hrsg. von W.J. Mommsen in Zusammenarbeit mit Rita Aldenhoff. Bd. I/5. Tübingen, 1993.

Перевод с немецкого К.Г. Тимофеевой